

Кивачук А.А.,
старший преподаватель кафедры политологии и
политического управления
ФОН ПГУ им Т.Г. Шевченко

Динамика либерального мира в концепции биополитики М. Фуко

Проблема старения является не только демографической тенденцией, в современном обществе она обретает биотехнологическое измерение. В центре внимания автора статьи – анализ моделей старости в традиционном и либеральном обществах, в контексте концепции биополитики как теоретического конструкта, предложенного французским философом Мишелем Фуко. Данный подход позволяет перенести акценты с дискуссии о противопоставлении природы человека и проектов максимизации его жизни на политическую организацию жизни общества как условие для принятия решений о человеческой природе.

Ключевые слова: старение населения, старость, либеральное общество, биополитика, биовласть, биотехнологии.

Kivachuk A.A.,
Senior Lecturer of Department of Political Science and
Political Administration,
Shevchenko Pridnestrovian State University

Dynamics of the Liberal World in the light of M. Foucault's Biopolitics Concept

In the modern society, the population ageing is not only the demographic phenomenon, but also it has gained certain biotechnological dimensions. The author focuses on the analysis of the senility model both in the traditional and liberal societies through the prism of biopolitics concept regarded as a theoretical tool suggested by a French philosopher Michel Foucault. The given approach allows shifting the focus from the discussion about the contrudistinction of human nature to the life maximization projects to the discussion about the political organization in the society as a condition for making a decision about human nature.

Keywords: population ageing, senility, liberal society, biopolitics, biopower, biotechnology.

Однажды Джонатан Свифт написал: «Все люди хотят жить долго, но никто не хочет быть старым». Пожалуй, этот афоризм наилучшим образом может послужить эпиграфом к статье. Старение как длительный процесс в жизни людей, наступающий на склоне лет, во все времена волновал умы человечества, и сегодня исследовательский интерес к теме старения не только не ослабевает, но и обретает новые актуальные направления. В контексте

складывающихся демографических и биотехнологических реалий, с появлением новых социально-экономических и политических рисков, старение требует своевременного комплексного философско-антропологического, культурологического, этико-психологического анализа. Этому направлению посвящен солидный перечень современных научных публикаций и монографий [5; 6; 8; 9; 14]; как предмет теоретических исследований и прикладных разработок тема прочно занимает лидирующее место в разноплановых областях знаний, и, по нашему мнению, в точках их пересечения можно искать и находить эффективные и непротиворечивые решения.

Одним из таких междисциплинарных перекрестков, с точки зрения исследовательского интереса, видится то, какие социально-политические смыслы и последствия обретает старение как актуальная проблема применительно к человеку и человечеству. Мы намеренно размываем границу между индивидуальным и демографическим старением, пытаюсь придать вопросу новое звучание, расставить новые акценты.

В современном обществе мы сталкиваемся с любопытным парадоксом: по мере увеличения доли пожилых людей в возрастной структуре населения, по мере роста достижений в области продления жизни девальвируются статус и аксиологический компонент в общественном и индивидуальном восприятии старости. В этой статье представлена попытка проникнуть в сформулированное противоречие, выявив роль биополитики и биовласти в том их содержании, которым эти понятия были наполнены в работах известного философа Мишеля Фуко.

Уже при первом приближении, на уровне определения понятия «старость», мы сталкиваемся с принципиально разными подходами, радикально противоположными взглядами на то, как понимать старение, следовательно, как воспринимать старость. На протяжении истории можно найти множество примеров, отражающих противоречивую природу примирения и противостояния человека и его старения. Человеку всегда были свойственны рефлексии на тему неизбежной старости, вскрывающие либо традицию безропотного ее принятия, либо попытки явного или опосредованного, но от этого не менее бесплодного «убегания» от нее. Если исходить из тезиса, что старение представляет собой естественный для физиологии человека процесс, то старость воспринимается смиренно, в поиске качества другого порядка, обретаемого человеком взамен утраченной молодости, силы и красоты [4, с. 134]. В случае, когда старение рассматривается как противоестественное состояние для человеческого организма, как заболевание, которое можно и нужно лечить, мы встречаем позицию активного сопротивления старости, ее неприятие и подавление [1, с. 5].

В совсем еще недавнем прошлом век человека был довольно короток и дожившие до глубокой старости считались исключением из правила, т. е. исключительными, особыми людьми. В традиционном обществе старый человек признавался образцом, идеалом, итогом развития человека от несмышленного ребенка, необузданного юноши до носителя бесценного знания,

умудренного опытом прожитой жизни. Такое развитие можно рассматривать как движение от внешнего мира к внутреннему, от телесности и материальности к духовности и взрослению души через истощение и утрату физических сил. По замечанию философа А. Дугина, «в русском языке монахов принято именовать старцами, даже если они молоды по возрасту, подчеркивая их духовную зрелость» [3]. Старение в таком понимании гармонично и не страшит, оно просветленно, приносит уважение и почетный статус старейшины, дающего совет, и главы, принимающего решение.

Однако с конца XIX в. и, главным образом, в XX в. ситуация в области развития здравоохранения и материального благополучия ряда стран меняется кардинально, что привело к небывалому росту средней продолжительности жизни людей. По оценкам демографов этот показатель является динамичным компонентом и стремительно увеличивается [15]. Этот процесс происходит в результате демографического перехода, когда за снижением смертности следует снижение рождаемости, что трансформирует структуру населения в сторону увеличения доли пожилых в общей численности. На сегодняшний день старение признано важнейшим долговременным трендом мировой демографической ситуации. Среди факторов, обеспечивающих желанное долголетие, традиционно принято выделять, прежде всего, благоприятствующую наследственность, хорошие экологические, бытовые и производственные условия жизни, качественные продукты питания и их рацион, достаточный отдых, активный образ жизни, отсутствие вредных привычек и, что крайне важно, доступ к современной медицине.

Тенденция старения отмечается повсеместно, однако уровень и скорость развития различны по странам и регионам. В наиболее благополучных странах процесс идет уже в течение многих десятилетий, в менее развитых странах он начался сравнительно недавно. При этом из 15 стран, затронутых «ускоряющимся» старением, в настоящее время есть больше 10 миллионов людей старшего возраста (60 лет и старше), 7 – развивающиеся [10, с. 3; 20, с. 46–47].

Население планеты стремительно и необратимо стареет, значит, человек живет теперь дольше, беспрецедентно дольше, однако оптимизму ученых противоречит непривлекательная реальность этого долгого старческого жития. По сути, продленные годы жизни приходятся на самый тяжелый период – состояние одряхления организма и одинокого, беспомощного, медикозависимого существования пожилого человека. В таких условиях открывается новый фронт борьбы науки и природы – за здоровое долголетие, за продление физически и интеллектуально активного периода жизни человека. Такой подход возможен через разработку и внедрение современных медицинских биотехнологий, в корне меняющих отношение к старению: от идеи о программе, заложенной природой и нацеленной на неизбежное увядание и уничтожение, к идее о специфической болезни, конечным итогом исцеления от которой становится бессмертие. Излишне говорить, что второй подход является сегодня доминирующим, бесспорным лидером в индустрии

биотехнологий с объемами инвестиций и числом практических разработок, растущими по экспоненте [21]. Если сопоставить объемы финансирования различных областей в мировой науке, то можно констатировать, что сегодня сбылось пророчество философов, предрекавших в конце XX в. вступление науки в эпоху биологии, вернее, биомедицины [16, с. 91]. Научных идей о том, как можно повысить продолжительность жизни человека, существуют десятки, в клиническую практику внедрены биомаркеры старения, препараты-геропротекторы, различные виды генной и клеточной терапии. Все эти оптимистичные перспективы влекут за собой массу социально-политических сложностей: ограниченная доступность продления жизни, разрушение социальных лифтов и кризис пенсионной системы.

При установлении контроля над продолжительностью жизни, мы сталкиваемся с тем, что становится проблематичным определение многих реалий. Кого мы можем называть «старым» и хочет ли современный представитель благополучного западного мира стареть? Какую продолжительность жизни отдельный человек считал бы для себя лично приемлемой и комфортной? Будет ли он действовать в таком выборе свободно или мы стоим на пороге диктатуры новой либеральной евгеники? Каким альтернативным содержанием наполняется феномен старости и старения в постмодерне? Это наиболее актуальные вопросы современной биополитики и особенно важно понимать глубинные механизмы, приводящие в движение сложную биотехнологическую машину по улучшению человека, и то, почему человек так стремится навстречу желанному «нестарению», утрачивая былые статусные позиции.

Ответить на эти проблемные вопросы позволяет методологический подход М. Фуко, поскольку он устанавливает прямую связь между биомедицинскими знаниями и политическими практиками. Чтобы понять, каковы смыслы и последствия проектов контроля над продолжительностью жизни людей, обратимся к его наследию в этой области. Идеи М. Фуко о генезисе биополитики и формах биовласти подвергались критике и пересмотру, обрели многочисленных последователей – «англофукодианцев», его взгляды сформировали научный инструментарий для целого цикла исследований биосоциальности, и, тем не менее, они по-прежнему активно обсуждаются. Мыслителю удалось изменить одностороннее представление о биополитике как о термине органической школы и заложить новое содержание данной концепции. Следует отметить, что к середине нулевых фукодианский взгляд на биополитику стал доминировать в западной политической науке, развивающейся в русле постмодернистских идей [19].

Осознание значимости государственной политики и власти пришлось на поздний этап творческой деятельности М. Фуко, условно обозначенный как «генеалогия власти – знания». В 1970-е гг. он радикально меняет интеллектуальное направление, переходя от анализа власти как практики формирования и производства индивидов к анализу «правительности» – понятия, которое он изобрел для обозначения «руководства поведением»

мужчин и женщин, действующих автономно, а не по принуждению, пусть даже незаметному [2, с. 18]. Ряд схожих мотивов и сюжетов сосуществовали и в предшествующем периоде его исследовательской работы, тогда философ изучал аспекты политики и власти, анализируя жизнь человека и общества в других формах и проявлениях.

М. Фуко не принадлежал к числу философов классической традиции, он, скорее, новатор, который пытался понять, каким образом власть государства становится все сильнее, несмотря на медленное, но верное перекладывание все большей суммы социальных обязательств на плечи своих граждан [7, с. 24]. Проблема здесь заключалась в том, что, руководствуясь тезисами либерально-политической мысли, при подобном положении дел политическое влияние государства должно постепенно ослабевать. Усилиями М. Фуко было описано, как возник, менялся и на каких основаниях удерживается такой способ правления. В поисках ответа на этот вопрос М. Фуко по-своему осмысливает историю Европы, начиная с эпохи Нового времени, демонстрирует генезис общества модерна и его тактик управления, подчиненность либеральной политики вложениям в биологическую жизнь. Полученный им ответ укладывается в понятия «биополитика» и «биовласть».

Наиболее влиятельной работой М. Фуко, развивающей проблему биовласти, является авторский курс лекций «Рождение биополитики» [13], прочитанный им в 1978–1979 учебном году в Коллеж де Франс, а примыкающий термин «биовласть» был введен им ранее в «Истории сексуальности» [11, с.185].

М. Фуко утверждал, что «...контроль общества над индивидами осуществляется не только через сознание или идеологию, но и в теле и вместе с телом. Для капиталистического общества важнее всего биологическое, телесное измерение. Тело – биополитическая реальность; медицина – биополитическая стратегия» [13, с. 20]. Момент биополитического производства, по М. Фуко, реализуется в сборе статистических данных о численном и этническом составе населения, в учете и контроле рождаемости, а также применении медицинских методов профилактики и гигиены для защиты социального тела от небезопасных внешних воздействий. Никакая власть ранее не проявляла столь мощного интереса к телесному здоровью и благополучию своих граждан. Отношение стало меняться, как выявляет философ, когда государства стали определять жителей страны как быстро восполняемый ресурс и как способ экономической конкуренции с другими странами. Численность населения, уровень его благосостояния, показатели здоровья и долголетия напрямую теперь коррелировали со статусом государства и устойчивостью его правительства.

Поддержание всех этих параметров на высоком уровне требует огромных финансовых вложений и управления в процессе их распределения. Именно господство биополитики позволяет внедрить принципы управляемости, то есть изобрести пластичные и неотвратимые формы применения биовласти. Так воспитывается субъект, озабоченный перманентным и максимальным

улучшением собственной жизни и здоровья, и поэтому биологическое в наше время является ключевым измерением социального.

С точки зрения М. Фуко, принцип управления меняется с полновластия правителя, выраженного в формуле «позволять жить и заставлять умереть», на противоположный, который состоит в том, чтобы «заставлять жить и позволять умереть» [12, с. 255]. В соответствии с этим изменением, трансформируется господствующая форма знания – «эпистема» – так рождается либеральное общество. Его устройство, по М. Фуко, жизненно нуждается в индивидах, которые будут последовательно и прагматично преследовать личные интересы и тем самым приумножать силу правителя (власти), а механизм, обеспечивающий такой эффект – рынок, который налаживает взаимодействие между отдельными интересами. Теперь биологическое становится внутренним измерением власти, где реализуется рациональное управление рождаемостью, сексуальностью, здоровьем, болезнью, старением и смертностью человека, поэтому медицина становится основным инструментом биополитики. Однако биологически ответственный индивид не пассивный пациент, ориентированный на опеку социального государства о его жизни и здоровье, он сам проявляет повышенный интерес к знаниям о себе как о теле, которое может быть улучшено, он активный потребитель, среди других потребителей в стремлении к самомаксимизации [17, с. 103].

Если мы осмысливаем процесс старения и старость в дискурсе биополитики М. Фуко, то вопрос, является ли новая либеральная евгеника разновидностью печальных евгенических проектов в истории Европы и США, снимается сам собой. Инструментами евгеники XX века были селекция и смерть, поскольку она осуществлялась в условиях, когда биологический признак был внешним по отношению к обществу. Современная концепция улучшения человека как реализация его свободы на самоидентификацию основана на идее модифицируемости биологии и раздвигает пределы этой модификации все сильнее. Как замечает исследователь творчества М. Фуко, Т. Лемке, поскольку в таких условиях объектом новой евгеники становится каждый, говорить о рисках евгеники уже не приходится – скорее, речь идет о евгенике риска, уже ставшей нашей реальностью [18, с. 102].

В целом фукодианский анализ биополитики позволяет сместить акценты: «Никто не стоит перед выбором – улучшать природу человека или оставить ее неизменной ... реальный выбор состоит в том, как реагировать на причины, подталкивающие к расширению человеческой природы» [13, с. 52]. Ведь лечение старости при помощи современных биотехнологий становится нецелесообразным, если существуют институты, устроенные так, что производят нетерпимость к старости. «Старикам тут не место»¹ – не просто название фильма, но и способ современного культурологического и философского осмысления проблемы активного вытеснения старости, воплощенного в разных формах. Для западного мира этот процесс проходит на уровне параноидального омолаживания всех стандартов потребления,

откладывания на более поздний возраст браков и деторождений и агрессивной пропаганды тотального «невзросления» и инфантилизма.

По сути, геронтологическая идентификация личности по-прежнему выражается в двух возможных моделях старости – подлинной и мнимой, но если раньше дисбаланс желаний и возможностей приводил к их столкновению только в рамках старости–симулякра, то теперь фиксируется трагический конфликт между самими моделями по поводу вектора движения к конечной цели личностного развития.

Примечание

1. Фильм «Старикам тут не место» снят в 2007 г. компанией «Юниверсал Пикчерз», США.

Список литературы

1. Батин М.А., Москалев А.Л. Различные подходы к изучению процесса старения и их воплощение в рамках комплексной междисциплинарной программы «Наука против старения» // Российский химический журнал. 2010. № 3. С. 5–9.
2. Донзю Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире. М.: Логос, 2008. № 2 (65). С. 3–20. / [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/01.pdf.
3. Дугин А.Г. Проблема старости. Интервью. ЕВРАЗИЯ.TV / [Электронный ресурс] URL: <http://www.evrazia.tv/content/dugin-na-russiaru-problema-starosti>
4. Жданова И.В. Старость и старение как предмет социально-философского анализа // Философия и социология социальной работы: Сб. научн. статей / Под ред. Л.А. Осьмук, И.Ю. Чуркина. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. Вып. 2. С. 133–146.
5. Кувшинова О.А. Проблемы социального конструкта пожилого возраста // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 24–30.
6. Куренной В.А. Старость в эпоху инфантилизма: культурологический анализ. Лекция. НИУ ВШЭ Факультет гуманитарных наук / [Электронный ресурс] URL: <https://hum.hse.ru/news/166247569.html>
7. Орлеанский Н.Н. Пространственный аспект биополитической концепции М. Фуко // Сравнительная политика. М.: «Юрист», 2014. № 4 (16–17). С. 24–28.
8. Польшкина Т.М. Особенности понимания феномена старости на разных этапах психолого-философского осмысления // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3. С. 1407–1412.
9. Попова О.В. Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций // Рабочие тетради по биоэтике. 2015. Выпуск 18. С. 131–145.
10. Старение в XXI веке: триумф и вызов. Резюме доклада Фонда ООН по народонаселению в 2012 году. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pubpdf/Ageing%20Report%20Executive%20Summary%20RUSSIAN%20Final%20low%20resolution.pdf>

11. Фуко М. История сексуальности. Т. 1. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 446 с.
12. Фуко М. Нужно защищать общество / Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с фр. Е.А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
13. Фуко М. Рождение биополитики / Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяковой. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
14. Шунькина А.В. Бессмертие как проблема биомедицинских технологий // Бюллетень медицинских интернет-конференций, 2012. Т. 2. № 11. С. 849–857.
15. Щербакова Е.М. Старение населения: мировые тенденции. Демоскоп Weekly. № 601–602. 2–14.06.2014 / [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/barom02.php>
16. Юдин Б.Г. Этическая составляющая в научном исследовании человека // Российский химический журнал. 2007. Т 51. № 3. С. 79–85.
17. Юдин Г.Б. Биополитика улучшения человека // Рабочие тетради по биоэтике. 2015. Выпуск 20. С. 91–105.
18. Lemke T. From Eugenics to the Government of Genetic Risks // Genetic Governance: Health, Risk and Ethics in the Biotech Era. NY: Routledge, 2005, pp. 95–105.
19. Lemke T. Perspectives on Genetic Discrimination. NY: New York Routledge, 2013, 172 p.
20. Paladi G., Gagauz O., Penina O. Îmbătrânirea populației în Republica Moldova: consecințe economice și sociale. 2009. Chișinău, 208 p.
21. Zhavoronkov A, Litovchenko M. Biomedical progress rates as new parameters for models of economic growth in developed countries // International journal of environmental research and public health. 2013, no. 10 (11), pp. 5936-5952. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24217179>

References

1. Batin M.A., Moskalev A.L. Razlichnye podhody k izucheniju processa starenija i ih voploshhenie v ramkah kompleksnoj mezhdisciplinarnoj programmy «Nauka protiv starenija» // Rossijskij himicheskij zhurnal. 2010, no. 3, pp. 5–9.
2. Donzlo Zh., Gordon K. Upravlenie liberal'nymi obshhestvami – jeffekt Fuko v anglojazыchnom mire. M.: Logos, 2008, no. 2 (65), pp. 3–20, [Rules for the Citing of Sources] http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/01.pdf.
3. Dugin A.G. Problema starosti. Interv'ju. EVRAZIJA.TV, [Rules for the Citing of Sources] <http://www.evrazia.tv/content/dugin-na-russiaru-problema-starosti>

4. Zhdanova I.V. Starost' i starenie kak predmet social'no-filosofskogo analiza // *Filosofija i sociologija social'noj raboty: Sb. nauchn. statej / red. L.A. Os'muk, I.Ju. Churkina. Novosibirsk: NGTU, 2008. no. 2. pp. 133–146.*
5. Kuvshinova O.A. Problemy social'nogo konstrukta pozhilogo vozrasta // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Politologija. 2012, no. 1 (17), pp. 24–30.*
6. Kurennoj V.A. Starost' v jepohu infantilizma: kul'turologicheskij analiz. Lekcija. NIU VShJe Fakultet gumanitarnyh nauk, [Rules for the Citing of Sources] <https://hum.hse.ru/news/166247569.html>
7. Orleanskij N.N. Prostranstvennyj aspekt biopoliticheskoj koncepcii M. Fuko // *Sravnitel'naja politika. M.: «Jurist», 2014, no. 4 (16–17), pp. 24–28.*
8. Pol'kina T.M. Osobennosti ponimaniya fenomena starosti na raznyh jetapah psihologo-filosofskogo osmyslenija // *Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012, Vol. 17, no. 3, pp. 1407–1412.*
9. Popova O.V. Biotehnologicheskoe konstruirovanie cheloveka: obzor filosofskih koncepcij // *Rabochie tetradi po biojetike, 2015, no. 18, pp. 131–145*
10. Starenie v XXI veke: triumf i vyzov. Rezhume doklada UNFPA, Fond OON, 2012, pp. 3. [Rules for the Citing of Sources] <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pubpdf/Ageing%20Report%20Executive%20Summary%20RUSSIAN%20Final%20low%20resolution.pdf>
11. Fuko M. Istorija seksual'nosti. T. 1. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti / Transl. fr. S. Tabachnikovoj. M.: Kastal', 1996, 446 p.
12. Fuko M. Nuzhno zashhishhat' obshhestvo / Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans, 1975–1976 academic year / Transl. fr. E.A. Samarskoj, SPb.: Nauka, 2005, 312 p.
13. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki / Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu / Transl. fr. A.V. D'jakovoj. SPb.: Nauka, 2010, 448 p.
14. Shun'kina A.V. Bessmertie kak problema biomedicinskih tehnologij // *Bjulleten' medicinskih internet-konferencij, 2012, Vol. 2, no. 11, pp. 849–857.*
15. Shherbakova E.M. Starenie naselenija: mirovye tendencii / *Demoskop Weekly, no. 601–602, 2–14.06.2014* [Rules for the Citing of Sources] <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/barom02.php>
16. Judin B.G. Jeticheskaja sostavljajushhaja v nauchnom issledovanii cheloveka // *Rossijskij himicheskij zhurnal. 2007, Vol. 51, no. 3, pp. 79–85.*
17. Judin G.B. Biopolitika uluchshenija cheloveka // *Rabochie tetradi po biojetike. 2015, no. 20, pp. 91–105.*
18. Lemke T. From Eugenics to the Government of Genetic Risks // *Genetic Governance: Health, Risk and Ethics in the Biotech Era. NY: Routledge, 2005, pp. 95–105.*
19. Lemke T. *Perspectives on Genetic Discrimination. NY: Routledge, 2013.*

20. Paladi G., Gagauz O., Penina O. Îmbătrânirea populației în Republica Moldova: consecințe economice și sociale. Chișinău, 2009, 208 p.
21. Zhavoronkov A, Litovchenko M. Biomedical progress rates as new parameters for models of economic growth in developed countries // International journal of environmental research and public health. 2013, no. 10 (11), pp. 5936–5952.
/ [Электронный ресурс] URL:
<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24217179>.